

УДК 808.2-085(082)

ОБ ОДНОЙ АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В.В. Дементьев

Статья посвящена одной актуальной проблеме русской общественно-политической коммуникации: рассматриваются аспекты оппозиции «личное ~ относящееся к социальному институту» на материале фактов неофициального политического дискурса: тексты оппозиционных СМИ, в том числе блогеров, монологи сатириков, анекдоты. Много внимания уделяется категории персональности в русском политическом дискурсе и ее реализации на разных уровнях языка и речи.

Ключевые слова и фразы: общественно-политическая коммуникация, неофициальный дискурс, оппозиция, персональность, сатира

ON ONE IMPORTANT ISSUE OF THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION

V.V. Dementyev

The article is devoted to one of the problems of the Russian socio-political communication, particularly, some aspects of the opposition “private ~ referring to the social institution”. It is structured around the informal political discourse of the oppositional media, including bloggers’ publications, satirists’ monologues, and popular jokes. A lot of attention is paid to the category of personality in the Russian political discourse and to its representation on various levels of language and speech.

Keywords and phrases: socio-political communication, informal discourse, opposition, personality, satire

Постановка проблемы: оппозиция персональности-имперсональности как способ моделирования событий общественно-политической жизни

Отражение в современном русском языке и речи новейших социальных процессов является одной из наиболее актуальных и сложных проблем современной русистики, которой уже были посвящены, в разных аспектах, без преувеличения, сотни монографий, диссертаций и статей, однако до окончательного решения еще очень далеко.

Мы затрагиваем только один аспект данной проблемы, который, тем не менее, представляется нам тоже очень важным, – содержательную оппозицию «**личное ~ относящееся к социальному институту**» (в самом широком смысле: политическому, идеологическому, экономическому и т.д.)). Это один из аспектов оппозиции «**народ ~ власть**», который является

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00114).

общим (универсальным) и имеет несомненное лингвистическое содержание, однако еще далеко не удовлетворительно рассмотрен в лингвистике. В настоящей статье данный аспект тоже будет рассмотрен, по необходимости, на ограниченном материале: относительно небольшом количестве примеров из небольшого количества сфер.

Как представляется, в современной российской общественно-политической коммуникации к наиболее значимым и актуальным тенденциям следует отнести критическое **обострение противоречия между интересами человека, личности, «частной жизни» – и всегда в той или иной степени безличными интересами государства**. Как всегда, «вечная» оппозиция *нашего простого человека и бездушной государственной машины*, существующая в русском обществе и сознании и драматически влияющая на оба, особенно обостряется в периоды перемен. Левый член данной оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, P (personal), то наличие P, (P) представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие P, (-P) оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллеktуал; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~*

уважать; *злиться* ~ *негодовать*; *работа* ~ *деятельность*; *душевный* ~ *бездушный*... – при всем разнообразии и разнородности, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца. Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций/пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда* ~ *истина*, *душа* ~ *разум*, *воля* ~ *свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами/лексемами – например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* – двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство*, *корпоративность* – малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности речевые жанры. Важной для русского языка и речи является речежанровая оппозиция *разговора по душам* и *светской беседы*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира».

Как уже было сказано, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер*, *чинуша*, *службист*, *крючоктвор* и *крючок*, *казенный* и *казенищина*, *муштра*, *аппаратчик*, *функционер*, *карьерист* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный* (*задушевный*), *друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душев-*

ный ~ бездушный, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [Р] ~ [-Р].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [Р] ~ [-Р] имеет общее с выделяемой А.Б. Пеньковским категорией *чуждости*, проистекающей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [Пеньковский 1989] (однако, в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности). По-видимому, во всех культурах, с развитием оппозиции официально-сти ~ неофициальности и собственно члена официальности в ее составе, уже не официальность, а неофициальность становилась *активна*: она *активно* стремилась противопоставить себя официальной идеологии и языку, используя для этой цели самые разные средства (начиная от средневекового карнавала и заканчивая «антитоталитарными языками», развившимися в странах соцлагеря в XX веке).

В то же время именно в этом коммуникативном аспекте можно говорить о целом ряде серьезных отличительных особенностей, присущих категории неофициальности/персональности в России. В самом общем виде их можно свести к следующим:

- власть – изначально нерусская, «немецкая» («с Рюрика»);
- долгий период крепостного права, «Россия – тюрьма народов». О жестоких и несправедливых отношениях власти и народа можно судить по многочисленным известным случаям, когда честные люди оказывались несовместимы с институтами власти и либо изгонялись, либо уходили сами (ср. реальную биографию А.Н. Радищева, вымышленную биографию Чацкого в «Горе от ума»);
- (отсюда) ставшее очень широко распространенным и даже традиционным недоверие к власти, нелюбовь к ней: от власти не ждут справедливости – тем более *правды*, *милосердия* и т.д.;
- (отсюда) русский иррациональный, нерассуждающий страх перед «властью вообще» и ее отдельными представителями, особенно пагубный в психологическом плане, калечащий душу человека (данный аспект широко отображен в художественной литературе, особенно сатире, начиная с Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова);
- иногда отмечается, что данное качество сочетается с нежеланием и неспособностью широких народных масс к самоорганизации, к тому, чтобы естественным образом породить власть «снизу» и участвовать в ней (А. Солженицын);
- наконец (возможно, понимая глубокую болезненность, «ненормальность» таких отношений власти и народа), именно в России неоднократно пытались «примирить» члены данной

оппозиции – именно так возникли, например, нормы светского общения (*светская беседа*) и – позже – *канцелярит*, «*партийная речь*» (ср. использование родственно-задушевных характеристик по отношению к Сталину в советской прессе 1930-х гг: *родной, любимый, отец* [Романенко 2000] и т.д. (подробнее об этом см. [Дементьев 2013]).

Нас интересует, прежде всего, то, как для достижения своих целей и представители власти, и представители оппозиции в своей политической коммуникации используют (сознательно или бессознательно) оппозицию [P] ~ [-P] и ее отдельные члены. Ранее [Дементьев 2010] нами уже было показано, как представители власти используют правый член оппозиции [P] ~ [-P] в официальном политическом дискурсе.

Материалом настоящей статьи послужили в первую очередь факты неофициального политического дискурса, и прежде всего – юмористического: тексты оппозиционных СМИ, в том числе блогеров, монологи сатириков, анекдоты. Материал этот может, на первый взгляд, произвести впечатление предельно разнородного и лишнего системы. Мы, однако, полагаем, что система здесь есть – это оппозиция [P] ~ [-P]. Разнородность же мы склонны считать положительным фактором, поскольку она хорошо иллюстрирует разные проявления данной оппозиции.

Поэтому в первой части статьи мы попытаемся продемонстрировать как можно больше таких проявлений, в основном на прагматическом уровне (в значительной степени это экстралингвистические факторы), а во второй части обратимся к более традиционному лингвистическому материалу – конкретным лексемам, именующим эти и смежные явления общественно-политической жизни. В семантике этих лексем, как будет показано, кодифицированы различные проявления оппозиции [P] ~ [-P], о которых идет речь в первой части.

Отдельные языковые и речевые явления, о которых будет идти речь в настоящей статье, уже становились объектами современной русистики, политлингвистики, социолингвистики, но еще не рассматривались с точки зрения оппозиции личности ~ безличности. Думается, использование данной модели поможет лучше понять эти явления в их взаимной связи, как и сделать – осторожно – некоторые прогнозы.

1. Тенденции современной политической жизни, обусловленные оппозицией персональности ~ имперсональности

Начнем с характеристики современной общественно-политической ситуации в России, особенности которой, с одной стороны, становятся источником для тех речевых и языковых явлений, которые получают семантику членов [P] или [-P] обсуждаемой оппозиции, с другой стороны, сами развиваются по сценариям, обусловленным данной оппозицией.

В самом общем виде те действия, которые совершает власть (или, скорее, как это выглядит с точки зрения народа), получают оценку по шкале [P] ~ [-P]. Такую же оценку по шкале [P] ~ [-P], хотя и с противоположным знаком, имеют ответные действия (реакция) народа: от простого выражения оценочного отношения в оппозиционных текстах – статьях или блогах – или устных речах до антиправительственных выступлений.

Непопулярные меры нелюбимой или критикуемой власти теперь предстают как [-P]; соответственно «критика снизу» приобретает стилистику [P].

В свою очередь, власть, желая сгладить конфликт, продемонстрировать «близость к народу», может сознательно использовать стилистику [P]. Наконец, вербальные оценки, даваемые власти «снизу», т.е. в дискурсе и на языке народа, содержат называющие, объясняющие, разоблачающие, высмеивающие (по принципу карнавала) или пародирующие данные действия власти единицы, которые, таким образом, тоже содержат теперь семантику [-P] – от отдельных лексем до прецедентных текстов и «просто» текстов.

Ср. активную деятельность оппозиционных блогеров, таких как А. Навальный и его «РосПил»: *Жанр разоблачений депутатов, введенный в моду Алексеем Навальным и названный «пехтингом» в честь теперь уже бывшего депутата Госдумы, оказался не безобидным развлечением блогеров и либеральных журналистов, а настоящим орудием политического убийства. Пока одни парламентарии складывают мандаты тихо, другие – что характерно, «самые честные» – корчатся под его прицелом* (The New Times. 11.03.2013: <http://vchera.com/news/37693/>).

Это неудивительно, учитывая, что самые широкие народные массы оказались критически затронуты – и восприняли это через призму оппозиции [P] ~ [-P] и ее обострения – рядом новых мер, норм, правил, законов, порождаемых и транслируемых российскими властными институтами.

Какие же события, действия власти относятся сюда? Вообще говоря, очень многое. Естественно, мы не добавляем «увы», ибо речь идет не о неправильных, антинародных и т.д. действиях власти как таковых, а лишь об оценке их по шкале [P] ~ [-P], которая уже содержится в русском языке и речи, а стало быть, в потенциальном виде присутствует и в русском политическом дискурсе. Собственно, российским политикам (да и любому, кто просто обсуждает политику на русском языке) крайне трудно, почти невозможно «вырваться» из оппозиции [P] ~ [-P], освободить от ее стилистики свою речь – как и возможную реакцию на действия власти, оценку их.

В целом к особенностям, тенденциям, событиям политической ситуации в современной России, актуальным в аспекте [P] ~ [-P], относятся различные идеологические основания членения участников общего политического дискурса на более или менее непримиримые группы, конкретные особенности такого членения. Конечно, как и в большинстве стран или социумов, где есть так называемая политическая жизнь (а в России она несомненно есть), в основе этого членения – противостояние сторонников существующей власти, «государственников», и оппозиционных политиков и граждан, участвующих в политической коммуникации. (Более того: в большинстве так называемых современных демократий есть деление на «своих **тори и лейбористов**» / «**республиканцев и демократов**».)

Ср. оппозицию «либералы ~ государственники» во властных структурах и соответствующих СМИ, а также попытки власти «услышать народ» – от стремления обуздать произвол беззакония, коррупции, монополий (например ЖКХ), «резонансных дел» – до заявлений на самом высоком уровне о «духовных скрепах» российского (и даже русского) общества... Ср., например, частотные в Рунете высказывания об «отрыве власти от народа», который, по мнению многих оппозиционных авторов, особенно обострился к концу президентства Д.А. Медведева и во многом привел к формированию собственно оппозиции, имеющей членораздельную программу. Так, неоднократно высказывалось мнение, что в новейшей России за внешне либеральной политикой и риторикой происходит отрыв официального слова от жизни: ужесточается цензура, уменьшается количество свободных СМИ (www.svobodanews.ru/content/article/24566269.html; www.polit.nnov.ru/2011/04/11/medvedev/).

К таким событиям общественно-политической жизни, оцениваемым по [P] ~ [-P], можно отнести и реформирование *милиции* (восходящей к народным дружинам) в *полицию* (претендующую, с одной стороны, на «профессионализм», с другой – на разрыв с традициями этих самых «народных дружин») и в этой связи усиление (и обострение) места и роли полицейского в обществе (как показывают события последних года-двух, это было не столько реформирование, сколько переименование, т.е. смысл данного процесса был в основном именно лингвистическим и соответствовал оппозиции [P] ~ [-P]; к экстралингвистическим факторам оппозиции можно отнести, например, большие зарплаты полицейских, которые сразу и резко противопоставили их остальным «бюджетникам», хотя о строительстве в России полицейского государства заговорили еще раньше (<http://www.polit.nnov.ru/2011/04/11/medvedev/>), и ювенальную юстицию (одним из наиболее драматических результатов которой, по мнению многих аналитиков, стала беззащитность института семьи перед государственными структурами), наконец, целую серию жестких запретительных законов от ГД РФ.

Как уже было сказано, маркирование в русском политическом языке и речи того или иного действия власти (в широком смысле: власти как политической, так и экономической) как [-P] может быть лишь весьма опосредованно связано с реальным, объективным содержанием данного действия или события (как известно, это в целом свойственно языковой оценке). Хотим подчеркнуть легкость и кажущуюся естественность, с какой, например, политический публицист использует языковые (или речевые – окказиональные) единицы, содержащие сему [-P], для номинации или оценки того или иного «универсально порицаемого», «наднационально антинародного» действия или качества – при этом весь остальной текст статьи, по контрасту, может быть составлен из единиц нейтральных или содержащих сему/оценку [P]: *Речь, как несложно догадаться, о досадной «заминке» с вылетом военно-транспортной авиации. По сути, уже она одна позволяет квалифицировать прошедшие в середине июля на Востоке масштабные военные учения как провальные. Просто потому, что на реальной войне (не дай Бог, конечно) наш противник, разумеется, не будет ждать, когда же, наконец, вылетят эти русские самолеты. На войне ведь как на войне.*

Да, техника наша ездит исправно, солдаты демонстрируют высшему командованию во главе с президентом прекрасную физическую подготовку. Прекрасная картина как таковая и замечательная картинка для вечерних новостей на федеральных каналах. Выглядит все впечатляюще, духоподъемно. Но жаль только, что состояние нашей замечательной техники не регулируется само собой. Она – мощная, красивая, современная – находится в руках, растущих порой не из того места. Функционирование машин также прямо зависимо и от ясности ума начальства, держащего их на балансе. А вот тут уже впору рыдать от бессильной тоски. Почему с большим опозданием вылетели самолеты? Была неисправность? Нет. Быть может, нелетная погода? Смешно! Оказывается, аэродром «Хомутово» под Южно-Сахалинском отказался выдавать разрешение на прием у себя самолетов командования до того, пока с ним за эту услугу не рассчитаются согласно прайсу.

Это, если кто не в курсе, называется «эффективным управлением».

Бред? Отнюдь. Конечно, в «Хомутово» тот час же бросились отрицать корыстный мотив созданной заминки. Но, признаться, в существующих реалиях виновных там могут разве что назначить, ведь с формальной точки зрения аэродром действительно обслуживал военную авиацию, руководствуясь исключительно заключенному договору аутсорсинга. Это хлесткое словцо из жаргона креативных инноваторов обозначает буквально «внешнее обслуживание». То есть ремонтных баз у армии своих нет – приходится обращаться в сторонние организации и работать с ними по принципу «деньги вперед». И потому администрация

аэродрома «Хомутово» пусть и пережила не самые приятные, надо думать, моменты своей жизни, но формально следовала лишь заключенным еще при Сердюкове и Васильевой договоренностям. **Только бизнес, ничего личного, а патриотизм – прибежище «лузеров»** (www.km.ru/v-rossii/2013/07/23/ministerstvo-oborony-rf/716344-s-otstavkoi-serdyukova-problemy-v-armii-ne-zakonc).

Очень интересно, что во многом именно так в неофициальных текстах Рунета общественно-политического содержания подается противостояние (истинное или кажущееся) **Путина** и **Медведева**. Особенно показательны в этом отношении подчеркнута непочтительные и «покарнавальному правдивые» **анекдоты** (нами было рассмотрено около 600 анекдотов, скачанных с 10 интернет-сайтов²).

Медведев в них подается не просто как нелюбимый, вредный, комичный и т.д. (как это в целом принято в политических анекдотах о первых лицах государства, как бы олицетворяющих власть: лидеру достается уже за то, что он представляет власть). Критикуются его недостатки как должностного лица, личностные недостатки, отражающиеся на работе, наконец, фактически любые личностные недостатки – а точнее, то, что подается в качестве таковых), но и как подчеркнута [-Р]: оторванный от «настоящей жизни», противопоставленный, чуждый народу по своим целям, ценностям, а также особенностям мышления и речи.

Наиболее частотные качества, приписываемые «анекдотному Медведеву», – неодушевленность, игрушечность, пустота, а как результат – фиктивность:

Подпись к фотографии в газете: «Президент Медведев на выставке осматривает человекоподобного робота. Медведев справа».

Налажен выпуск новой игрушки – плюшевый мишка с айфоном.

В истории России много белых пятен, и только одно пустое место – 2008-2012...

Лежит Дмитрий Медведев на перине и мечтает: «Когда я приду к власти...»

Жена мужу: – Объясни сыну значение слова «формально». Муж: – А на примере Медведева и Путина можно?

² http://www.umoru.net/anekdoty/pro_medvedeva.html
http://www.anekdoto.net/anekdoty/pro_medvedeva.html
http://эльбан.рф/publ/pro_medvedeva/13
<http://aneki.infoperm.ru/medvedev>
<http://www.zu.by/tag/medvedev/>
<http://www.anekdoto.ru/tags/%CC%E5%E4%E2%E5%E4%E5%E2>
<http://www.lenpravda.ru/anekdoto/?page=1>
<http://000a.ru/a/tag/186/>
http://www.starybarin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=271&Itemid=147
<http://lib.guru.ua/ANEKDOTY/anec1001.txt>

Медведев в анекдотах часто резко противопоставлен народу, его интересам, самой системе ценностей. Это, конечно, совершенно естественное и даже универсальное явление в политических анекдотах. Но в анекдотах про Медведева конфликт, естественным образом присущий отношениям власти и народа, часто дополняется противоречием между двумя типами мышления, логики – здравым смыслом, мудростью, присущими народу (что естественно в анекдотах), и мышлением Медведева, которое в анекдотах подается как «книжное», «юридическое», «менеджерское», «твиттерское» (показывается не только его ошибочность, но и опасность): *Медведев поздравил ветеранов войны в Твиттере. Ведь в России что ни ветеран, то в Твиттере сидит.*

В этой связи представляет особый интерес обыгрывание **особенностей речи** Медведева в анекдотах. Наиболее частотнo его речам приписывается такое качество, как отсутствие в них какого бы то ни было смысла: *Из новогоднего поздравления президента Медведева граждане поняли только то, что пора открывать шампанское.*

В своем ежегодном послании к Федеральному собранию президент России Дмитрий Медведев перечислил важнейшие для дальнейшего развития России 3 «Е», 2 «Ы» и одно «Я».

В анекдотах речь Медведева предстает одновременно официозной (склонность выражаться наукообразно, любовь к иностранным словам, политическим, юридическим, техническим формулировкам) – и жаргонизированной, с претензиями на «современность», молодечность.

Конечно, в анекдотах находим экспрессивное снижение канцелярита, «положенное по карнавалу»: – *Обеспечение порядка и законности не может быть поводом для дискриминации меньшинства или большинства по национальному признаку!* – сказал Медведев и подумал: «А не сболтнул ли я чего лишнего?»

После успешно проведенной Медведевым модернизации две беды России теперь называются «менеджмент и инфраструктура»...

Но иногда снижение канцелярита в анекдотах осуществляется самим Медведевым, который устает от необходимости выражаться казенно и мечтает говорить по-простому (для этого и твиттер, и тусовки): – *Слышал, Медведев создал новый блог на Твиттере?* – Да ну? А зачем? У него же есть уже официальный блог. – *Смотри. В официальном он напишет: В середине ноября летал в Японию на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. А на Твиттере напишет: Было прикольно...*

Интересно, что иногда в анекдотах Путин противопоставляется Медведеву как «более близкий к народу», но не в чем-то хорошем, а в низменных мотивах: корыстолюбии, похоти,

пьянстве. В этом отношении Медведев (абстрактно мыслящий интеллигент, идеалист, «ботаник») непонятнее обывателю – это качество подается как отрицательное: как глупость, наивность (крайняя степень – сумасшествие).

В этой связи можно выделить (небольшую) группу анекдотов, в которых Путин приносит стране пользу, Медведев – вред (анекдотов, в которых Медведев был бы лучше, полезнее Путина, мы не нашли): *В 2012-м Путин просто обязан вернуться, чтобы разгрести все то, что Медведев натворил.*

– *Откуда у Медведева столько времени, чтобы развлекаться Живым Журналом?*

– *Чтобы было много свободного времени, нужно правильно подобрать себе премьера!*

В целом член оппозиции, ассоциирующийся с [-P], в русской культуре гораздо легче и естественнее подается негативно, поэтому невыгодное положение Медведева как бы уже предопределено.

Это тем более интересно, потому что совсем недавно в четкую оппозицию [P] ~ [-P] вставал Путин к Ельцину, причем очевидных подтверждений такого противопоставления было гораздо больше.

Интересны и поучительны в этом отношении мнения многих политиков, журналистов и исследователей, которые пытаются выделить новый тип *национального лидера*, характеристики которого имеют отчетливое сходство с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P]: «герой-Штольц» (по имени персонажа романа И.А. Гончарова «Обломов»). Как известно, Штольц в романе противопоставлен Обломову, и его общая жизненная позиция и конкретное поведение воспринимаются читателем только через это противопоставление. Естественно, оппозиция «Обломов ~ Штольц» имеет выраженный характер [P] ~ [-P], и в этом отношении очень показательна «подстановка» в данную оппозицию современных фигур, таких как президенты Б.Н. Ельцин и В.В. Путин.

Например, поведение и внешний облик Владимира Путина могут характеризоваться как «типично немецкие», что в свою очередь вызывает сравнение со Штольцем. Об устойчивости «немецких» ассоциаций может свидетельствовать название политической биографии «Владимир Путин. “Немец” в Кремле» (2004) политолога А. Рара. Ср.: «Русская коллективная психея жаждет Штольца – и она его получила: Путин. Он даже говорит по-немецки, – чего еще желать?» (<http://www.svobodanews.ru>). «Среди основных черт характера Владимира Путина, влияющих на его имидж, выделяется отсутствие харизмы, что является продолжением его личных достоинств: в отличие от прежних руководителей, он – не интуитивист, а рационалист, некое подобие Штольца в Кремле» (<http://www.warweb.ru>). В публицистическом дискурсе

фиксируется момент перехода, смены: Обломов-Ельцин уходит на пенсию, удаляется на дачу, или просто его время проходит, и его место занимает, завоевывает Штольц-Путин. Такое развитие событий представляется как сугубо положительная и даже необходимая перемена. Ср.: «Я, по-моему, где-то уже писал про переход от “обломовствующих” к “штольствующим” (статья, по времени относящаяся ко времени избрания Путина на пост президента РФ)» (<http://2001.vvr.ru>). «Еще несколько лет назад фигура, типа Путина, была неприемлема для России. Ельцинская обломовщина и барство гораздо милее русскому сердцу, чем немецкий прагматизм Путина-Штольца» (<http://www.businesspress.ru>). «Путин похож на Штольца из романа Гончарова “Обломов” ... Штольц – немецкий идеал энергичного, делового и аккуратного человека. В российской политике Обломов удалился к себе на дачу. Штольц имеет все возможности для завоевания Кремля» (<http://www.pressing.spb.ru>). «Энергичный, деятельный и “эффективный” Штольц, пришедший на смену глобально мыслящему, но мечтательному и неконкурентоспособному Обломову» (<http://www.informprostranstvo.ru>) [Попова 2010: 135–143].

В то же время, как в целом свойственно оппозиции [P] ~ [-P], Штольц, соотносимый в народном сознании с ее правым членом, оценивается далеко не однозначно положительно: преобладают отрицательные и ярко-отрицательные характеристики «штольцевщины», как показано далее в статье Н.П. Поповой.

Со Штольцем связываются личностные характеристики, чуждые «национальному характеру», каким он видится в наивной картине мира. С антропонимом Обломов, наоборот, связываются представления об исконном «национальном характере» (ср. *россиянин, национальный характер российский, отечественная интеллигенция, тип «нашего человека», все русские, мой герой; народ, состоящий сплошь из Обломовых*). В контекстах употребления антропонима в публицистике констатируется «нелюбовь к Штольцу» («вечно недолюбливаемым в нашей культуре Штольцем», «воспринимается как нечто ограниченное», «Обломов ... заведомо выше Штольца», «Штольцев в России не любят», «приходится быть Штольцем», «Штольц никогда не вознесется в наших сердцах выше созерцателя Обломова»). Ср.: «*Возьмём Гончарова: казалось бы, какой герой из ленивого, барственного Обломова? Вот деловой, активный Штольц – это да. Тем не менее именно ленивый барин воплощает в себе начало доброты, здравого смысла и каких-то высших ценностей, а Штольц, которому эти высшие ценности чужды, воспринимается как нечто ограниченное*» (Аргументы и факты. № 30. 2006).

Эдвард Радзинский, современный историк и публицист, в интервью использует антропоним «Штольц» для характеристики «русского национального характера» от противоположного: с его точки зрения «новые русские» и их жизненная позиция, ориентированная на достижение

материальных благ, оказавшаяся в центре общественного внимания, противоречат исконному, народному мировоззрению: *...Идея несправедности любого богатства – очень народная идея. И оттого телевидение, постоянно показывая жизнь новых русских, делает весьма опасную работу. Россия – не колбасная страна, не страна Штольца. И духовность, важность идеологии остается* (Аргументы и факты № 16. 2005).

Елена Ямпольская, редактор отдела культуры газеты «Известия», озаглавила свое эссе «Штольцевщина». Приведем его фрагмент: *...Фаст-фуд и фаст-слипиг – стиль нашего времени, язва и бессонница – воздаяние за труды ...Современный мир подмят и покорен штольцами, мы сами – кто по духу, кто в силу обстоятельств – сплошные штольцы. Последних, подневольных, больше. Из уст в уста передается вопль: “Я – Обломов, вынужденный быть Штольцем”... Бесчисленные штольцы, туристы и негодянты, мечутся между Италией и Швейцарией, на неделю отлучаются из Парижа в Лондон, на сутки летят из Питера в Киев ... Штольцевщина имеет границы, обломовщина беспредельна. Каким ни будь деловым и предприимчивым, сколько ни колеси по миру, как ни загоняй себя пинками в спорт-клуб, однако во дни сомнений и тягостных раздумий все равно подкрадется малодушная мысль: а не залечь ли? Ну их всех к шутам...* (Известия. 18.06.07).

Именно поэтому, думается, восторги по отношению к Путину в первые годы его правления были скорее осторожны и как бы дозированные. Как видим, с тех пор Путин уже довольно прочно воспринимается как почти «свой», «народный», что показывают не только итоги последних президентских выборов и опросы общественного мнения, но и приводившиеся выше анекдоты про «тандем».

Названная тенденция общественно-политической жизни отчетливо проявляется в **массово-информационном** пространстве: это, прежде всего, все большее противостояние официальных («бумажных» и ТВ) СМИ и Интернет-публицистики, включая блоги. Сама по себе эта тема, конечно, очень интересна для лингвиста. Для нас важно, что в оппозицию [Р] ~ [-Р] встают не только явно провластные («сервильные») и оппозиционные СМИ (важнее, пожалуй, – официальные и неофициальные), но и издания, не имеющие прямого отношения к власти. В этом смысле показательны оппозиции разных «свободных» **интернет-энциклопедий**, таких как «Википедия» и «Луркоморье».

Очень широко известная Википедия и относительно молодое и малоизвестное Луркоморье представляют собой два разных типа интернет-энциклопедий, рассмотрение и сравнение которых интересно и поучительно как для культуролога, так и лингвиста: *Проект был основан, когда несколько участников Википедии (по совместительству – ярых фанатов имиджбордов)*

не приняли правил проекта. ... У нас нет сколь-либо вменяемой политики значимости, цензуры, толерантности и вообще царит полный административный произвол вперемежку с анархией (Материал с Луркоморья – неформальной энциклопедии)

К главным **отличиям** Луркоморья от Википедии следует отнести:

1) возможность оценочных высказываний (положительно- и отрицательно-оценочных, хотя в целом, как и следовало ожидать, доля отрицательной оценки значительно преобладает; высоко ценятся всевозможные разоблачения); много прямых, грубых, непolitкорректных и т.д. номинаций, характеристик, определений: даже когда в этом как будто бы нет необходимости, авторы «спешат» демонстрировать свою смелость, свободу;

2) много подробностей, мелких, бытовых деталей (в этом отношении Луркоморье воспользовалось идеей «интересных фактов» Википедии, но значительно расширило эту рубрику), при этом подчеркнуто много внимания уделяется фактам низким и стыдным, нередко и смакование грязи;

3) неофициальный и часто оригинальный язык, включая, с одной стороны, языковую игру, окказионализмы и неологизмы (обычно обыгрывается русский язык, но нередко и английский), с другой – жаргонизмы и мат (см. [Шульгин 2010]);

4) подчеркнутая современность («модность») точки зрения и текста: активное использование молодежного языка, интернет-сленга (включая *кащенизмы* и *падонковский язык*), как и частотное упоминание «молодежных реалий»; с другой стороны, иногда «Анонимусы», наоборот, выступают как «пожившие, много повидавшие люди», подчеркнуто отдают предпочтение «старому» – произведениям, отношениям между людьми, нормам, моде и т.д.

Оценочный аспект интересует нас в первую очередь. Как уже говорилось, именно наличие оценок прежде всего отличает Луркоморье от Википедии. В целом система оценок на Луркоморье производна от его идеологии – а это, вообще говоря, **свобода**. Причем свобода особая: требующая очень активных действий, **борьбы** со всем тем, что этой свободе мешает. В целом это идеологическая борьба с любым давлением, при ближайшем рассмотрении – с двумя сильнейшими авторитетами в сегодняшней России (и, видимо, мире): властью («Анонимусы» подчеркнуто непочтительны к власти, немало и прямых политических обвинений) и деньгами (заказных или рекламных статей на Луркоморье как будто бы нет вовсе).

Но дело в том, что и Википедия тоже позиционирует себя как **свободная** энциклопедия. Но там свобода, в общем, понимается только как возможность сообщения информации независимо от власти. Ср. недавний конфликт с властью РФ из-за статьи «Курение каннабиса», где Википедия победила: *5 апреля 2013 года ФГУП НТЦ «Информрегистр» направил в адрес*

«Викимедиа РУ» уведомление о внесении статьи Курение каннабиса в «Единый реестр запрещённых сайтов».

Руководство «Викимедиа РУ», действуя в соответствии с принципом открытости, передало письмо Роскомнадзора на суд сообщества русской Википедии, а также сообщило, что только участники проекта могут решать, что делать со статьёй. Ни «Викимедиа РУ», ни Wikimedia Foundation, Inc. не вправе решать судьбу этой статьи. В сообществе Википедии на русском языке разгорелась ожесточённая дискуссия, участники которой явно заявляли, что ни удалять статью, ни изменять её в нарушение собственных правил сообщество не будет.

Уже с 7 апреля 2013 года власти начали пытаться гасить конфликт, распространяя через проправительственные СМИ не соответствующую действительности информацию о том, что редакторы Википедии редактируют «запрещённую» страницу с целью привести её в соответствие с требованиями чиновников. 8 апреля 2013 года аккуратные формулировки превратились в откровенную ложь. Так представитель Роскомнадзора Владимир Пиков заявил «Интерфаксу»: «Нам прислали статью о курении каннабиса в новой редакции. Наши эксперты ей удовлетворены, претензий к Википедии мы теперь не имеем».

Тем не менее, сообщество Википедии снисходительно отнеслось к попытке чиновников сохранить лицо и в последовавшем обсуждении не высказало намерения раздувать конфликт, так как надеется, что позиция сообщества Википедии и фонда Wikimedia Foundation, Inc. до всех сторон была донесена достаточно ясно: «Подчиняться давлению слабых и трусливых политиков – тех, которые боятся распространения знаний, – это не путь Википедии» (материал из Википедии – свободной энциклопедии).

На Луркоморье свобода понимается значительно шире. В общем, свобода на Луркоморье означает, что Анонимус **выражает оценку** – причем исходя только из своих внутренних убеждений.

В этом отношении интересно, что Википедия, представляющая далеко не всегда лояльную к власти, верноподданную или сервильную точку зрения, идеологию, на какую традиционно направлен карнавал в чрезмерно окостенелых социумах [Бахтин 1990], но не дающая оценки, стремящаяся к объективности, «значимости» и т.д., с точки зрения Луркоморья тоже понимается как в каком-то смысле **несвободная**, потому что «формальная», а значит, в чем-то с неизбежностью недостаточно правдивая и искренняя: *В отличие от Википедии, мы не ставим своей целью написать обо всем на свете сразу и не руководствуемся мифическими критериями «значимости» и «энциклопедичности».*

Сходство с Википедией забавным образом воспринимается «Анонимусами» как оскорбление: *Эту статью или раздел следует **развикифицировать**. Эта статья выглядит как или даже является **копиастой из википедии**. Здесь полностью отсутствуют **лулзы**, описание драм и прочие **ништяки**, зато присутствуют **нейтральная точка зрения**TM и унылая **спискота**, или в ней много узкоспециализированной информации сомнительной ценности и энциклопедических терминов. Необходимо срочно привести статью в удобоваримый вид, пока не случилось страшное.*

Противостояние официозу (выразителем которого закономерно предстают юридические нормы) является одним из главных источников карнавальной экспрессии Луркоморья.

В этой связи нельзя не сказать еще об одном возможном типе отношений с адресатом – **юридическом**. Ярким примером может служить **судебный процесс против Кати Гордон**, который был подробно освещен на Луркоморье: *В 2011 году Катя Гордон обратилась в Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону с гражданским иском к владельцам Луркоморья о защите чести, достоинства и деловой репутации и о взыскании компенсации морального вреда в размере 1 000000 рублей, причинённого оскорблениями, содержащимися в статье «Катя Гордон». Процесс закончился 22 августа 2011 года вынесением определения суда об утверждении мирового соглашения, согласно условиям которого ответчики обязались удалить статью. Статья была удалена, однако была создана статья «Дело Кати Гордон».*

К слову: вероятно, освещая подобный процесс против себя Википедия, **свобода** понималась бы так, что Википедия **выиграла** бы любые процессы такого рода (ср. приводившуюся историю со статьей «Курение каннабиса»). На Луркоморье же – подчеркивается **свобода от самой юридической сферы**: фактически транслируется, причем в обостренном, педалированном виде, член [P] оппозиции [P] ~ [-P]. Гордон (хотя она, в юридическом смысле, в какой-то степени выиграла процесс) **проиграла уже тем, что переводит спор с неофициальной правды Луркоморья в юридическую плоскость**. В сущности, судебный иск стал для проекта настоящим подарком. В подробном комментарии «Анонимуса» в статье «Дело Кати Гордон» подчеркиваются качества Гордон, по которым она противопоставлена Луркоморью и тем самым безнадежно проигрывает в главном: она не имеет чувства юмора, она смешна. Эта поучительная история наглядно показывает, что в сознании русскоязычных «пользователей» Луркоморье и Википедия находятся в отношениях, очень близких [P] ~ [-P].

Огромное количество как настоящих человеческих драм, так и настоящих текстовых шедевров 20 лет назад породило наше **«вступление в рынок»** (со всеми «рыночными структурами», включая, конечно, собственно организационно-коммуникативные). Ср. исследование

Казимежа Люциньского [Люциньский 2010], в котором анализируются новейшие английские заимствования посткоммунистической эпохи. Автор дает когнитивный комментарий к некоторым словам (с точки зрения ряда популярных, влиятельных, модных тенденций, таких как последствия глобализации, формирование новой «культуры потребления», «клиповое восприятие реальности», новые гендерные тенденции в молодежной культуре, наконец, формирование «телесного императива»), выявляя новые значимые идеи, стоящие за теми или иными заимствованиями и их отношениями с уже существующими синонимами.

Главная из таких идей состоит в том, что новая «рыночная» идеология, характерная для капиталистического общества, пришедшего на смену коммунистическому, порождает иной взгляд на мир и соответственно иные дискурсивные практики, метафоры. При этом данная идея вполне естественно переносится с собственно потребления, «шопинга» на рекламу, гляцевые журналы и политическую коммуникацию, порождая соответствующие метафоры. Вывод, который делает автор, состоит в том, что нынешняя культура – это **шопинг-культура**, которая и формирует metaphors we live by: человек – артефакт, тело – неодушевленный объект, лицо – маска, мир – супермаркет, политика – маркетинг [Люциньский 2010: 46–74].

Думается, данная «рыночная» идеология действительно включает важную идею социально-ролевого регулирования (покупатель-продавец/работодатель) и, как любая социальная роль, включает определенную личностную параметризацию, ограничивает число аспектов «Я». Поэтому в русской культуре данная идея, особенно ее социально-коммуникативное преломление – рациональных взаимовыгодных отношений, с тщательной выстроенностью «рекламной» самопрезентации, – в сознании многих людей была естественным образом объединена с идеей правого члена оппозиции [P] ~ [-P].

С тех пор, конечно, многое улеглось, а что-то и забылось, но что-то только обострилось и все время порождает новые рефлексии и новые текстовые и языковые феномены.

Так, одна из основных тем монологов **Михаила Задорнова** последних лет – высмеивание текстов **официальных объявлений**, написанных «нашим человеком», который по своей природе такие тексты писать не умеет, поскольку является «задушевым» и «творческим в никуда», а также хочет «продемонстрировать литературность» – по сути хочет приятного общения с равным и понятным (а не чиновником). Все эти качества «нашего человека» невольно или вольно прорываются сквозь официальный текст, который всегда задает некое институционально-обезличенное регулирование, – объявления, газетные тексты, билборды, рекламные и политические плакаты в местах общественного пользования: магазинах, кафе и ресторанах, кинотеатрах, вокзалах, аэропортах, лифтах, заповедниках и т.д.: *Зоомагазин, объявление:*

«Сунуть палец в клетку с попугаем – 100 рублей»; Москва, в магазине, на дверях табличка: «С беляшами не входить, и не спрашивать, почему!»; Супермаркет, объявление: «При покупке любого товара в левой половине магазина требуйте подарок от продавца в правой половине». В скобках: «когда вам дадут подарок, просьба: матом не ругаться!»; Томск, бар, в баре табличка: «Спеть в караоке – 100 рублей, если зал против – 1000 рублей»; Киоск в Москве, предупреждение: «Уважаемые покупатели! Так как у нас под киоском кто-то сдох, просьба терпеть до полного разложения»; Москва, объявление в лифте. Видимо, какой-то в прошлом писатель стал лифтером, его тоже переполняет желание быть литературным. Объявление в лифте: «Если вы хотите уехать на лифте вниз, нажмите кнопку «вверх» (ну, у нас все наоборот), и, соответственно, наоборот». Дальше: он продолжает: «Согласен, что это нелогично»... И дальше – долго объясняет, что и как работает; Уссурийский край, заповедник. Перед входом в заповедник, естественно, предупреждение. Ну, коряво написано, как все, что пишут наши чиновники: «Запрещается розжиг костров, выгул собак, отлов и отстрел дичи». Ну, коряво. Какой-то интеллигент, видимо, подошел, прочитал, думает, ну, как так, ну, [нрзб.]. Вынул фломастер и приписал: «а также выпас, выгул скота и выполз змей». И, довольный, ушел. Видимо, за ним вскоре пришел другой интеллигент, думает: а я, чё, хуже? Вынул фломастер – форум начался на этой!.. – и пишет: «выпорос свиней, выжсереб коней, выкобыл лошадей, вылуп птиц из яиц и выхухол выхухолей!» И так, одна за другой, подписи: кто-то пришел, думает: о-о, и я могу! «выкур курей и выпрыг кенгурей», «обгад ромашек», «обдир ягод», «выхлоп газов», «вынос тела», «выкидыш мусора», «выродок людей» кто-то приписал, «выпендр фраеров», «выстрел Аврор» (в Уссурийском крае!). Вот. И внизу крупно: «высморк насморков»!

В целом качества «нашего человека» – очень давняя тема, интересующая Задорнова.

Очень показательна эволюция Задорнова – точнее, так сказать, эволюция «образа нашего человека» в его текстах. Если раньше это были «носители соображалки», которая одна только и помогала выживать в нечеловеческих условиях советского тотального абсурда, сейчас этот «наш человек» поставлен в «рыночные», но не менее абсурдные и, главное, порочные (а как следствие – тоже ведущие к деградации) условия: он занимает невыгодное место в обществе, полностью контролируемом чиновниками, которые насаждают бездуховность (уничтожают образование) и бездушность (хотят только воровать и угнетать, но не **общаться**), что пагубно влияет на традиционную национальную систему ценностей и сам язык.

Мир Задорнова выраженно оппозитивен. Анализ довольно большого объема текстов его монологов³ показывает, что во все периоды творчества сатирика в центре его картины мира, идеологии и философии лежала, в сущности, одна и та же оппозиция «наши ~ не наши», хотя конкретное наполнение членов оппозиции содержанием часто менялось. «Наш» определяется – но лишь отчасти – национальностью (конечно, прежде всего это русский; однако в некоторых текстах последнего времени речь идет уже о «русско-еврейских наших людях», которые, например, делают самую блестящую, даже немислимую для «западного человека» карьеру на Западе); страной проживания (СССР, потом – Россия и отчасти другие страны СНГ; в то же время а) Россия – это «самое несуразное государство», б) функционеры, чиновники и т.п. представители различных официальных институтов этого государства – решительно не «наши»); социальным статусом (не функционеры в советский период, не чиновники в новый; хотя «новые русские», несмотря на богатство, чаще всего все же «наши»). Но складывается впечатление, что все эти характеристики – лишь переменные и в целом гораздо менее значимы, чем то, что это реализация некой общей оппозиции, членами которой выступают, с одной стороны, «как бы сама жизнь», «всё живое», с другой – противостоящие этому живому бюрократические структуры, которые (именно потому, что они противостоят «живой жизни») нежизнеспособны, абсурдны, нелепы, уродливы.

«Наши» у Задорнова, представляемые как член [P] оппозиции [P] ~ [-P], – одновременно мишень самого большого количества сатирических монологов, самого большого количества осмеяний, иногда по-настоящему злых, безжалостных, – и вызывают несомненную симпатию⁴, ибо только они и есть, в его представлении, **жизнь**. «Наш» у Задорнова всегда страстный и *живой*, не расчетливый (хотя иногда – хитрый), не сделавший карьеру (хотя часто – очень практичный), вообще не могущий занять выгодного места в социуме. Позиция «не наш» – гораздо более изменчивый член задорновской оппозиции, однако во всех случаях он, прежде всего, отрицает качества «нашего человека», причем по принципу [P] ~ [-P]. В разных монологах, относящихся к разным периодам творчества сатирика и разным историческим этапам развития России (СССР), данная оппозиция оказывается удивительно устойчива, хотя ее конкретные члены могут варьироваться:

³ Использовались видеозаписи: «От Путча до Путина», «Египетские Ночи», «Записки Отморозка», Концерт 2004 («Не дайте себе засохнуть»), «Нас не оцифруешь»; аудиозаписи: «Фантазии», «Дриньки», «День Смеха», а также книги М.Н. Задорнова: «Вдруг откуда ни возьмись» (М.: Эксмо, 2005), «Задорнов и К°» (М.: Эксмо, 2005), «Этот безумный, безумный, безумный мир...» (М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006).

⁴ Как известно, это загадочное явление – огромную популярность сатирических монологов Задорнова у русской аудитории при том, что жестоко высмеиваются многие качества именно русского человека, – чаще всего объясняют тем, что Задорнов-де идеально передает «точку зрения русского человека». Так ли это? По нашему мнению, это отчасти так и во многом проистекает из того, что система оценок сатирика абсолютно оппозитивна – оппозитивна, так сказать, «по-русски», а именно: [P] ~ [-P].

Первая оппозиция реализуется, прежде всего, в творчестве советского (в том числе перестроечного) периода. «Наши» противопоставлены «не нашим» следующим образом: «наши» предстают как люди, опутанные паутиной официальной лживой, агрессивной, атеистической и абсурдной идеологии, плохо и бедно живущие, не имеющие качественных продуктов, техники и т.д. и не умеющие ими пользоваться и по этой причине переживающие духовную и интеллектуальную деградацию: *Единственное, что передавалось по наследству советскими людьми из поколения в поколение, это нищета, изворотливость и энтузиазм.*

«Не наши» предстают в виде довольно абстрактного цивилизованного и комфортного мира, живущего в соответствии с «общечеловеческими ценностями». Именно это, как ни парадоксально, ставит «западный мир» в левый член оппозиции [P] ~ [-P]. Конечно, в то время сатирик знал этот самый «западный мир» в основном понаслышке. Оценка же в целом логична в его картине: там просто нет всех тех социальных институтов, которые затрудняют, портят, уродуют жизнь «нашего человека» в СССР.

Абсолютно разный уровень устроенности быта приводит к абсолютному непониманию друг друга: *Мы даже в декорациях к нашим фильмам, которые снимаем о западной жизни, не можем воспроизвести их роскоши. А они в фильмах о нас даже в декорациях из картона не в состоянии воссоздать убогость нашего быта и так наплевать, как мы наплевали в собственной жизни.*

Одним из наиболее ярких примеров этого типа может служить известный монолог М. Задорнова о разведчике из ЦРУ, который был заслан в СССР и погиб, не справившись с советской действительностью.

Вторая оппозиция характерна, прежде всего, для творчества раннего послесоветского (постперестроечного) периода. Содержание этой оппозиции дал недавно рухнувший железный занавес и первые массовые контакты «наших» и «не наших». В монологах Задорнова (как и в неофициальной словесной русской культуре этого периода) появляются «новые русские».

«Наши» предстают как люди нецивилизованные, по этой причине иногда агрессивные, пьющие и вороватые, но в то же время носители «соображалки», необходимой для выживания в нечеловеческих условиях, и высокой истинной духовной культуры. «Не наши» (чаще всего американцы⁵) здесь тупые, мыслящие узко и прямолинейно, «компьютерные»,

⁵ Выбор именно американцев среди довольно большого количества национальностей, которые описываются или упоминаются в монологах Задорнова (немцы, французы, итальянцы, испанцы, японцы, поляки, латыши, латиноамериканцы, египтяне), обусловлен тем, что это, с одной стороны, наиболее яркий и наиболее частотный образ, который становится у сатирика символом всей «западной жизни», отличной от отечественной. С другой стороны, данный образ наиболее часто ставится им в бинарную оппозицию «наши ~ не наши»; прочие националь-

оторванные от реальной жизни, воспринимающие мир как телевизионное шоу, лишённые чувства юмора, самодовольные без малейших на то оснований, ведущие сверхкомфортный образ жизни, по-настоящему не верящие в Бога, разделяющие потребительскую и абсолютно безнравственную идеологию и оттого пришедшие к духовной и интеллектуальной деградации: *Я всегда считал Америку врагом жизни нашей души; Буш ведет себя как авторитет, опущенный на зоне; Американцы даже Дюма не читали; Меня часто пародируют фразой «Какие они там в Америке все тупые!». Не правда – не все! В Америке есть гениальные люди... их человек 18...; Америка далека от размышлений. Они же пуп земли! Все остальные страны для нее – так, офисы их. ... Вместо того чтобы изменить свою политику для начала, они что сделали? Они же шоу устроили! Начали продавать государственные флаги. Они сейчас государственные флаги для поддержки государства носят на трусах! Правда! Мы тоже можем носить государственные флаги на трусах, но в знак протеста только! У них мода пошла новая, военная, у них белье постельное выпускается с названием «антитеррористическое». Защитного цвета, чтобы постель не разбомбили... Многие удивляются: почему американцы бомбят Афганистан только ночью? Я знаю почему: потому что, когда в Афганистане начинается ночь, в Америке начинается рабочий день. Они на работу выходят в это время! А Америка в это время смотрит войну по телевизору. Это шоу, представляете, ба-бах! взрыв расплылся кляксой по экрану! И веселенький голос: пейте бразильский кофе, тщательно отобранный у бразильцев!*

Тогда практически любое сравнение с «нашими» оказывается в нашу пользу:

Мы гораздо достойнее, чем та западная жизнь, которую нам навязывают: соображалка, образование, воспитание...; ...я через два дня улетел в Австралию – и вот удивительное ощущение от цивилизованной страны сразу после нашей... знаете, там скучно! У нас жизнь кипит, а они как-то очень рационально живут. У нас путч, хунта, у нас гнильё везут, у нас жизнь кипит, у нас вообще радости больше. У нас не жизнь, а радость сплошная с утра до вечера. Они всего этого лишены там; Что мне нравится у нас – это, когда иностранцы попадают к нам, они людьми у нас становятся, они меняются, Россия их меняет... Я двух немцев возил по России – людьми стали! Через месяц подрались. Влюбилась в девчонку Варю. Варя! Если бы вы видели! Кустодиевская девушка. Две одинаковых части тела: щеки и бедра. Розовое всё это! Она пленила двух этих немцев, этих особей мужского пола, тем, что она готовила суп. Вы знаете, нигде в мире ведь суп не готовят. Из мозговой

ные характеры в эту оппозицию попадают только на том основании, ближе они в ней к «нашим» (например, испанцы, итальянцы, поляки, латиноамериканцы) или «не-нашим» (немцы, англичане, японцы); собственной же оппозиции с русскими, отличной от названной оппозиции «русские ~ американцы», они обычно не образуют.

косточки, с трупным ядом! Только наши, вкусно безумно. А главное, она утром открывала пиво обручальным кольцом: хэп! Вот это дело. Эх, они в нее втрескались по-нашенски, синяков надавали друг другу.

Интересно, что парадоксальным образом постоянно отмечается практичность русских, причем такая, по сравнению с которой американцы выглядят инфантильными неумеями: не могут воспользоваться элементарным умывальником, найти выключатель в гостиничном номере, самостоятельно надеть наволочку на подушку... Но это практичность, которая принципиально не может способствовать профессиональной карьере, поскольку практическая сметка направлена против нечеловеческого государства, власти, чиновников. Чаще всего такая сметка оборачивается умением ориентироваться в парадоксальном и абсурдном, невозможном для выживания и алогичном мире и вороватостью русских (конфликт с государством – но за родину!): *Я всегда утверждал, что родина и государство – понятия разные. Мы, в отличие от американцев, это понимаем. К примеру, когда мы не платим налоги, этим мы выражаем свое отношение за родину против государства. То есть мы хотим, чтобы деньги остались на родине; Россия – лучшая в мире родина! Но самое несуразное государство.*

Важно, что качества русских здесь встают в оппозицию «наши ~ не наши» и осмысляются через нее; в этой оппозиции многие качества русских, которые были подвергнуты злему осмеянию в первой группе монологов, почти полностью теряют свой сатирический заряд и подаются скорее добродушно, с симпатией, переходящей даже в своеобразную гордость. Прямая положительная оценка «наших» тоже не редкость в монологах данного типа. Например, Задорнов часто подчеркивает, что высоко оценивает интеллект российских зрителей: *Тут я должен сделать комплимент российским зрителям: только в России, благодаря российскому зрителю, существуют сатирики с грустными лицами. И это мне очень нравится. Потому что на Западе сатирик, выступая, или юморист должен скорчить рожу. То есть все шутки по первой сигнальной системе рефлексов собак Павлова: сказал и так – ху-ху-ху! Этот, ясно, с юмором выступает. Российский зритель должен все-таки сначала подумать, потом засмеяться... Что есть в русском зрителе и чего нет в западном – это наше достоинство. Он смеется, ухахатывается, потом уходит и говорит: как это всё грустно!*

Облик русского пополняется рядом новых качеств, которые не упоминались в первой группе текстов и почти всегда оцениваются (здесь) однозначно положительно: *У нас есть*

несомненные преимущества перед Западом! Я не говорю, что мы во всем лучше. Но у нас девушки читают стихи! Сидят в метро и читают стихи.

То, что за относительно короткое время оценка всего «западного мира» поменялась на прямо противоположную, он переместился в правый член оппозиции [P] ~ [-P], конечно, тоже свидетельствует об оппозитивности картины Задорнова.

Показательно, что оппозитивный механизм комического обыгрывания у Задорнова сохраняется и применительно к самим американцам. Так, в монологах об Америке иногда находим противопоставление «старой» Америки (здесь представление о ней носит несколько романтический и абстрактный характер и напоминает в этом отношении туманный «западный мир вообще» в доперестроечных монологах) как страны добрых хижин дяди Тома, персонажей Марка Твена и Хемингуэя – и толпы современных американских обывателей: *Ки-Вест не похож на обычные американские небоскрежные города. Деревянные, двухэтажные, покрашенные в светлые тона домики с воздушными террасами, резными наличниками и ставнями-бабочками, как прозрачные привидения из романтического американского прошлого, скрываются в кудрявых зеленых садах и напоминают нам об «Унесенных ветром», «Хижине дяди Тома» и Геккельберефинне.... Ки-Вест – это город-декорация к спектаклям Теннесси Уильямса и Артура Миллера. Это воздушный привет, посланный потомкам от Митчелл и Марка Твена. Но туристы этого не знают...*

Третья оппозиция характерна для творчества двухтысячных годов. «Наши» предстают как «старые русские»; их характеристика в основном совпадает с характеристикой русских в типе 2; главный акцент делается на высокой духовности и качественном образовании в позднем СССР. «Не наши» здесь – американизированные российские обыватели, перенимающие новые традиции, которые приводят к духовному опустошению и зомбированию людей, разрушению старой культуры, системы образования, межличностных отношений и самого русского языка. Обобщенные качества «не нашего человека» новейшего периода – американизация, либерализация, плохое образование и его насаждение, культ рынка и олигархов.

В данном случае духовная и интеллектуальная деградация ожидает уже россиян, особенно молодых, которые не читают книг, не слушают хорошую музыку, будучи оболванены телевидением, рекламой, компьютерными играми, идиотскими текстами эстрадных песен, исполняемых «шоу-звездочками»: *Когда с проклятьем мы всю ночь, не зная, как подступиться к девушкам, пели у костра «Милая моя, солнышко лесное» с отмороженными ногами, а у милой все лицо уже изъедено комарами и от этого, правда, похоже на красное*

распухшее солнышко, мы тогда не думали, что когда-нибудь можно будет без лишних хлопот заниматься любовью по интернету, посылать друг друга по электронной почте, а Моцарта и Бетховена по нескольку раз в день слушать по телефону в паузах, пока тебя соединяют с абонентом. Я думаю, сами Моцарт с Бетховеном не думали, что идеально писали для телефонных аппаратов. А Чайковский не предполагал, что его «Лебединое озеро» так часто пригодится потомкам для замены телепрограмм во времена путчей и похорон. Никто из нас не думал в том нашем темном прошлом, что когда-нибудь в нашем светлом будущем, согласно новым веяниям режиссуры, чтобы хоть как-то завлечь зрителей в театр, Чайка будет наркоманкой, Отелло – голубым, Дездемона – его мужиком. В опере, чтобы угодить нашим эмигрантам, Онегин, получив от Ленского вызов, уедет по этому вызову в Израиль. А голый король Лир на нудистском пляже через слово будет вскрикивать: «Во, блин, буря разыгралась!» Еще помню, как на Пасху мы ходили тайком наблюдать за крестным ходом. Я с завистью тогда смотрел на тех, кому даже в то время было во что верить. И никак не думал, что когда-нибудь наши молодые священники станут говорить «ОК», а за валюту будут освящать всё и вся, согласно установленным ценам...

Теперь оказывается, что многие качества советской жизни, которые ранее подвергались беспощадной критике, сегодня выглядят вполне безобидными и даже симпатичными, например студенческое пьянство: *Почему многие молодые люди сегодня прилипли к наркотикам? Потому что у них не было стройотрядов, они не знают что пьянство лучше! Лучшее значительно!! Пьянство развивает юмор!*

В этой связи часто упоминается русское (советское) образование, которое обычно противопоставляется узкоспециализированному, технократическому, «бездушному», «тестовому», «компьютерному» образованию американцев, а также новой российской системе образования, ориентированной на американскую: *В Советском Союзе было лучшее в мире образование, и во что это превратилось... дети сегодня думают, что Рафаэль и Микеланджело – это черепашки-ниндзя! Они уверены, что Бетховен – это собака!*

Обыгрывается привычка быть на телевизионной «игле» и утрата привычки к чтению: *...все наши женщины благодаря телесериалам давно живут в Латинской Америке и только два раза в неделю выезжают в лифте за продуктами; ...что угодно, только не читать! Как мне однажды ответила девушка-тинейджер: ... Я что, дура книжки читать? Мне ж тогда с подругами не о чем говорить будет!*

Резко отрицательно оценивается неуважение к русскому языку как важной части русской культуры, неоправданное использование английского языка: *Я вообще не понимаю это*

увлечение в России иностранными словами. По всей России вывески на английском: «Шоп», «Фут», «Хот Дог», «Перловка-трейдинг». Бедные старики говорят: «Мы не знаем, где чего купить». Стоит старушка посреди Москвы и читает: «Шоп, шоп, шоп, шоп.... Да шоп вы сдохли.» Почему в России надо писать на английском?; По всей Москве висят плакаты «Блокбастер Алёша Попович»... они стесняются слова былина? Вот она западнизация.

Наконец, **четвертая оппозиция** (конец 2000-х – начало 2010-х гг.), представленная в основном пародиями на тексты официальных объявлений, с которых мы и начали разговор о сатире Задорнова в целом, видимо, еще только складывается. Во многом она является продолжением третьей, только позицию «не наших» все более прочно занимают российские чиновники, в которых сатирик теперь видит корень всех бед.

Интересно, что эта четвертая оппозиция, по сравнению с третьей, больше приблизилась к оппозиции [Р] ~ [-Р] в ее традиционном значении: член [-Р] представляют социальные институты, прежде всего – облеченные властью. Сейчас «не наш», противостоящий всему любимому автором (и всему «живому»), – российский чиновник, который думает, и пишет, и выражается – коряво, «мертво», насаждает ЕГЭ. Российские чиновники опутывают «нашего человека» сетью нового официоза. К чиновникам примыкают все обладающие властью насаждать официоз, и прежде всего – нормы официальных текстов: бизнесмены, олигархи, хозяева и руководство различных компаний, служб, магазинов, даже обслуживающий персонал там.

Экспрессия (или комизм) порождается двумя моментами: 1) прямым протестом; 2) тем, что «наш человек» принял правила игры, но не справляется с требованиями построения текстов, обезличенных норм, т.к. этому мешает его энергия и задушевность («наш человек», который полностью принял официоз на уровне мышления и системы ценностей, тем самым перестал быть «нашим»). Это очень печальная, даже трагичная эволюция; впрочем, насколько нам известно, ни одного примера Задорнов не приводит в своих монологах – вероятно, именно потому, что слишком печально).

Как ни парадоксально, «чужие» – наши чиновники – теперь слились с американцами в их системах ценностей: и те, и другие изначально чужды нашей духовности, но сейчас чиновники еще и облечены властью проводить это в жизнь (напр., «западную» систему образования) – показательно в этом отношении, что «наш человек» карнавалом высмеивает, например, деловые тексты не только на Родине, но и на Западе: *Если вы взгляните, наши умудряются даже за границей приписывать, и не ленятся! Они берут фломастеры, смотрят, чтобы никто не видел, там же посадить за это могут. В Лондоне, аэропорт*

Хитроу, табличка: «No smoking», вроде нормально. Внизу по-русски подпись: «Вы это вулкану скажите!».

Протест «современного нашего человека», который изображает или приводит Задорнов, пассивен в том смысле, что не ведет (и не призывает) к открытой борьбе с «оккупантами», восстанию: он имеет текстовую форму – как реакция на официозные тексты, принадлежащие власти (шире – социальным институтам); это могут быть как непосредственно тексты власти, такие как законы и приказы, так и, например, объявления или просто записки, составленные в соответствующей стилистике (ср. тоже пассивный, но очень яркий протест солдата Швейка против засилья немецкой бюрократии в его родной Чехии; или чисто текстовый протест «простого человека» против бюрократии российской в «Жалобной книге» Чехова).

2. Семантика языковых единиц

Показательны, с точки зрения разных членов оппозиции [P] ~ [-P], номинации участников текущей политической ситуации, противостоящих друг другу – см.: *И вот тут всплывает самая отвратительная версия. Любопытно, что она в равной степени поддерживается и охранителями, и либералами. Мол, дело снова в «двух разных Россиях». Одна представлена «людьми совести» («болотными негодьями» в другой терминологии), другая – «молчаливым моральным большинством» (они же «жертвы зомбоящика»)* (Известия. 24.04.2013. <http://izvestia.ru/news/549324#ixzz2RO7gGseK>).

Обратимся к семантике конкретных языковых единиц – лексем и идиом, используемых в современном политическом дискурсе – официальном и неофициальном. Как уже говорилось, сема [P] или сема [-P] обусловлены тем, каких именно участников политического дискурса (а также различные аспекты их деятельности, место в обществе и значение) – провластных или оппозиционных – они называют, оценивают или объясняют, – но обусловлены лишь отчасти. Здесь, с одной стороны, новая эпоха наполнила новым содержанием (это и новые действующие лица, и новые языковые единицы, в т.ч. неологизмы и окказионализмы) вполне традиционную оппозицию [P] ~ [-P], по сути мало что изменив в ней, с другой – одни и те же действующие лица, как объекты номинации и дескрипции, могут не только получать амбивалентную оценку (это в целом характерно для политического дискурса), но и довольно свободно переходить из одного члена оппозиции [P] ~ [-P] в другой.

Так, конкретные лексемы и идиомы, используемые в современном российском общественно-политическом дискурсе, могут входить в разные группы в зависимости от

конкретного сочетания названных факторов: *рукопожатные, белоленточники, болотные, поклонные, либералы/либерасты/либероиды, демшиза, офисный планктон, сетевые хомя(ч)ки, «креативный средний класс» и «креативные рассерженные горожане»* (в кавычках и без), *креативный класс, креаклы, бандерлоги: – Прекрасные перспективы, но кто все это будет делать? – У нас есть прекрасная молодежь, прежде всего в регионах, которая уже освоила и продолжает приобретать уникальный опыт на основе советских (по инерции), западных и современных российских источников. Эта молодежь сегодня создает определенное давление на власть. В кривом виде это пока что выражается в разного рода «болотных» протестах, где тон задает т. н. «креативный класс», который на деле является отчасти паразитирующим. Но само давление молодежи на власть – это же и есть не что иное, как запрос на развитие. И дальше все дело уже в самой власти* (www.km.ru/v-rossii/2013/05/14/obshchestvenno-politicheskaya-zhizn-v-rossii/710613-yurii-krupnov-rossii-nuzhny-).

Ср. очень сильные отрицательные коннотации (до ненависти и презрения) в целом ряде новых слов, которые совсем недавно воспринимались как «модные», теперь же уже довольно устойчиво употребляются (в том числе в политических речах) или как злая ирония, или даже как уже почти прямые выражения: *эффективные менеджеры* (и совсем уже презрительное *менагеры*) / *эффективные собственники, модернизация и модернизаторы, инновационщики* (часто пишутся в кавычках): *Внутренняя логика пропаганды требует постоянного расширения ее ресурсов. В этой связи новость прошлой недели: назначение Арама Габрелянова генеральным директором Русской службы новостей означает создание нового эффективного «инкубатора подлецов». Хотя и под патронажем Доренко это СМИ издавала вполне определенный аромат. Однако Доренко человек творческий, а Габрелянов менеджер, притом эффективный. Поэтому скорее всего он будет ставить задачу превратить РСН в лидера по влиянию на рынке радио* (Медиафрения. 02.07.2013. <http://www.ej.ru/?a=note&id=13065>).

«Исторически в советской авиации всегда главным был конструктор, инженер, специалист – тот, кто делает самолеты. В отличие от других оборонных ведомств, директор в авиации был вторым человеком после конструктора. Но теперь директор стал главным. Выиграли «накладники», менеджеры!», – рассказал «ЕЖ» представитель одной крупной фирмы. <...> «На нашей фирме конструктором был выдающийся ... (фамилию не буду называть). Его все знали. Но вот власть сменилась, только успехов пока не видно. Главный результат: «накладники» занимают почти 80% персонала на фирме.

Восемьдесят! Иностранцы партнеры приезжают и удивляются». Как пожаловался собеседник «ЕЖ», инженеры и специалисты получают деньги под определенную тему, которую нужно придумать и «пробить», а вот менеджмент и прочие «накладники» не зависят от заказов – они всегда получают свою зарплату, и, как правило, высокую. А собственно создатели техники вынуждены жить от темы к теме. При этом менеджмент воспринимает фирмы, в которых работает, как частную лавочку, назначает на ключевые посты родственников и «верных» людей. Которые отнюдь не бедствуют. «К власти ведь пришли не менеджеры, а «пыльщики», – грустно резюмирует собеседник (Ежедневный журнал. 03.09.13. www.ej.ru/?a=note&id=13251).

Данные крайне отрицательные, в соответствии с традиционными характеристиками русской культуры (институциональность = отрицание «задушевности»), оценки часто смыкаются с другими, прямо отрицательными оценками: • «чужой»: Эхо мацы, режим, кровавая гбня, • «ложь»: зомбоящик, • «проституция»: политические проститутки, государственный Дом терпимости на Охотном, • «похоть»: ср. либераст, оппа, креаклы.

Главный редактор портала Грамота.ру Владимир Пахомов: «Мне кажется очень важным защитить детей от того языка вражды и ненависти, на котором сегодня так часто говорят взрослые. «Чурки», «жидомасоны», «русня», «толерасты», «кремляди», «православнутые», «атеюги», «абажуры из либералов» – всё это бурлит и клокочет в Интернете (где сейчас дети проводят столько времени) и периодически выплескивается в офлайн. Вот это страшно. Язык, который призван объединять говорящих на нем, независимо от их национальности, веры, убеждений, мы сегодня всё чаще используем для того, чтобы разъединить людей, противопоставить их друг другу, и дети это видят» (АиФ. 31.05.2013. www.aif.ru/society/article/63702).

В таких экспрессивных сниженных номинациях часто совершенно не важна конкретная политическая позиция, программа и т.д., не важно даже, относится носитель языка и порождаемый им текст к власти или оппозиции: важно – дается данная оценочная номинация враждебно или с симпатией (иронией), ср. как самохарактеристику или характеристику «своих»: хомячки, бандерлоги (заложенная в семантике этих лексем оценочность почти всегда амбивалентна, что является общей отличительной особенностью нелитературных экспрессивных формул).

Рассмотрим подробнее несколько номинаций, история которых в современной российской политической коммуникации представляется особенно поучительной.

В нашей статье [Дементьев 2007] было показано, как подобную трансформацию семантики под влиянием оппозиции [P] ~ [-P] пережила, приблизительно с середины XX в. и позже, лексема *профессионал* в русском языке и речи – в современном российском политическом дискурсе данная семантическая особенность этой лексемы тоже иногда обыгрывается: *Профессионал – наемник, для которого цель не важна, помогает власти и вредит стране. Профессионал, честно решающий проблемы страны, а не власти, служит обществу. Этап, когда нет иного выхода, кроме отказа от любого сотрудничества, на мой взгляд, еще не настал. Надеюсь, и не настанет, хотя тренд – огорчительный и граница допустимого – рядом* (Новое время. 2013. № 22. <http://newtimes.ru/articles/detail/68379/>).

Еще одним заметным и очень интересным фактом современной русской коммуникации, который обычно так или иначе актуализирует сему власти, при этом имеет отчетливую семантику [-P], является выражение (призыв) *Ничего личного*. Данное выражение является синонимичным (в том числе и с точки зрения семантики [-P]) выражению *Дружба дружбой, а служба службой*, которое, как мы уже показали, имеет исключительное значение для русской коммуникации, организованной оппозицией [P] ~ [-P], одновременно представляя собой практически идеальную иллюстрацию данной оппозиции; в то же время в некоторых контекстах семантика *Ничего личного* и *Дружба дружбой, а служба службой* существенно расходятся.

Начнем с *Дружба дружбой, а служба службой*, точнее – пары антонимичных фразеологизмов *Не в службу, а в дружбу / Дружба дружбой, а служба службой*.

Фразеологизм *Не в службу, а в дружбу* в современных словарях толкуется ‘Из дружеских побуждений, а не по обязанности’, ‘Просьба оказать услугу не по обязанности, а по дружбе’, при этом, судя по всему, экспликация *дружбы* является принципиальной: предполагаются именно такие отношения, как в *дружбе*, т.е. с присущим *друзьям* общением.

Как представляется, многое в русской культуре становится яснее, если предположить, что характерная сфера использования призыва *Не в службу, а в дружбу* – общение не столько с равным (с которым могут связывать либо официальные, либо неофициальные отношения), сколько с **начальником** (в широком смысле: это тот, кто имеет право потребовать *службы* или чтобы было *как на службе*): только официальные отношения, которые призван сделать неофициальными или менее официальными призыв *Не в службу, а в дружбу*.

Попытки так «задобрить» начальника богато отображены в русской классике, начиная с «Ревизора» Н. Гоголя, «Недоросля» Д. Фонвизина, пьес А. Островского, и, как правило, были не до конца понятны, например, западноевропейскому читателю – современнику Фонвизина и Гоголя, который жил уже в капиталистическом, а не полуфеодальном обществе.

Как представляется (конечно, для уверенного утверждения необходимо специальное исследование), русский концепт *начальник* – в отличие от западноевропейских – включает, в характеристике возможных отношений с ним, дополнительную потенциальную сему: **задабривание начальника** для извлечения определенной выгоды для себя, причем задабривание посредством *общения*. К сожалению, концепт *начальник* – ни в русском языке, ни тем более в сопоставлении, – как и *шеф* или *босс*, – фактически не исследованы, что не только досадно, но и странно, учитывая очень активное развитие концептологии в целом: нет такой статьи ни в «Антологии концептов», ни в «Новом словаре синонимов» (в последнем упоминается *шеф* – но только как синоним к... *водитель!*), лишь в антологии «Лингвокультурные типажи» есть статья И.И. Дубининой «Коммуникативный типаж начальника» [2005], однако коммуникативная пара «начальник ~ подчиненный», поведение подчиненного по отношению к начальнику там не рассматриваются.

Интересны в этом плане (с точки отражения интересующей нас семы задушевности и ее отсутствия, т.е. оппозиции личностности ~ безличностности) **антонимы** призыва *Не в службу, а в дружбу*, такие как традиционные фразеологизмы *Дружба дружбой, а служба службой* и (в меньшей степени) *Дружба дружбой, а табачок врозь* и современный *Ничего личного*. Данная формула тоже широко используется в качестве сигнала, что отношения и тональность, а также сам ход общения меняются.

Дружба дружбой, а служба службой определяется фразеологическими словарями следующим образом: ‘Дружеские отношения не должны сказываться на выполнении служебных обязанностей. Говорится часто как предупреждение, иногда упрек, когда кто-л., рассчитывая на дружеские отношения, пренебрегает служебными обязанностями, а также – как оправдание поступкам, не принятым между друзьями, но необходимым для дела’. Содержание данной оппозиции вызывало интерес и в прошлом – см. поэтическую языковую рефлексию Константина Симонова «Дружба – дружбой, а служба – службой» (1954).

Фразеологизм *Дружба дружбой, а табачок врозь* в этом плане несколько менее показателен, хотя и здесь важна экспликация *дружбы* – в плане нарушения некоторых ее важных «норм» (правда, «общение» как таковое здесь менее актуально): ‘Фраза констати-

рует неприглядную, по мнению говорящего, ситуацию, когда кто-то из приятелей не желает делиться всем, предпочитает что-то использовать лично или в определённый момент поступает вопреки ожиданиям, не по-дружески, эгоистично’.

«Американизированный» призыв *Ничего личного* (калька с *Nothing personal (just business)*) (приписывается известному американскому гангстеру Аль Капоне и фильму Ф.Ф. Копполы «Крестный отец») определяется интернет-словарями так: ‘Фраза используется, когда ты хочешь сказать, что сам против человека ничего не имеешь, однако обстоятельства складываются так, что вы вынуждены действовать против него. Это своеобразное “извинение”. Синонимом можно считать фразу “Не принимай близко к сердцу”’; ‘Этим выражением показывают четкое разделение между личными делами и делами в бизнесе. Личные интересы и отношения не должны вредить интересам дела. Особенно в денежных вопросах. Чаще всего такие ситуации возникают между деловыми партнерами’. Кстати, о том, что *Ничего личного* воспринимается подчеркнуто как «не наше», и прежде всего американское, говорит, например, то, что в российском кинопрокате вышел по-русски под названием «*Ничего личного*» фильм Тони Гилроя, который в оригинале назывался совершенно по-другому: «*Duplicity*» (букв. ‘двуличность’) (2009). Как видим, призыв *Ничего личного* вообще не предполагает общения.

Важно, что *Ничего личного* говорится чаще всего в ситуациях, когда говорящий намеревается сделать/уже сделал собеседнику что-то плохое – и это «личное» упоминается как **возможная плохая** причина этого (но не причина!), тогда как *Не в службу, а в дружбу* предполагает именно **хорошее**: отношения *как в дружбе*, и приятное общение *как друзья*, и качества, причем моральные: умение *дружить*...

Итак, некоторые новейшие языковые/речевые факты наводят на мысль, что оппозиция «личности ~ безличности», точнее – ее коммуникативная составляющая – оппозиция «персональности ~ имперсональности», или оппозиция [Р] ~ [-Р], сейчас в некоторых аспектах, на некоторых направлениях обостряется, в чем-то приобретает новый, оригинальный характер в своих проявлениях, которые отражают некоторые новые тенденции в общественной жизни, а также новые «умонастроения» и, конечно, новую языковую реальность, включая «языковую моду» и «языковой вкус».

Список литературы

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит-ра, 1990. 543 с.

Дементьев В.В. Оппозиция «мастер ~ профессионал»: старое и новое содержание // *Vita in lingua*: К юбилею профессора С.Г. Воркачева. Краснодар: Атриум, 2007. С. 60–74.

Дементьев В.В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // *Политическая лингвистика* / гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» Вып. 4 (34). Екатеринбург, 2010. С. 24–40.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (*Studia philologica*).

Дубинина И.И. Коммуникативный типаж начальника // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика*. Волгоград: Парадигма, 2005. 310 с.

Люцинский К. Языковые заимствования и ментальность: о влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива (на материале русского языка в сопоставлении с польским). Екатеринбург, 2010. 193 с.

Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // *Проблемы структурной лингвистики 1985-1987*. М.: Наука, 1989. С. 54–83.

Попова Н.П. В России появляются новые штольцы...: о мифологеме героя в современной публицистике // *Политическая лингвистика* / гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2010. Вып. 1 (31). С. 135–142.

Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 212 с.

Шульгин А.В. Русский язык в Интернете: интернет-энциклопедия Lurkmore // *Русский язык и культура в пространстве русского мира: материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы*. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2010. Т. 1. С. 415–420.

References

Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennansa*. М.: Hudozh. lit-ra, 1990. 543 s.

Dement'ev V.V. Opozicija «master ~ professional»: staroe i novoe sodержanie. *Vita in lingua*: K jubileju professora S.G. Vorkacheva. Krasnodar: Atrium, 2007. S. 60–74.

Dement'ev V.V. Russkij novojaz v svete teorii kommunikativnyh cennostej (na materiale politicheskoj rechi). *Politicheskaja lingvistika*. Gl. red. A.P. Chudinov; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». Vyp. 4(34). Ekaterinburg, 2010. S. 24–40.

Dement'ev V.V. Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategorija personal'nosti v leksike i pragmatike. М.: Global Kom, 2013. 338 s. (*Studia philologica*).

Dubinina I.I. Kommunikativnyj tipazh nachal'nika. *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi*: sb. nauch. tr. / pod red. V.I. Karasika. Volgograd: Paradigma, 2005. 310 s.

Ljucin'skij K. Jazykovye zaimstvovanija i mental'nost': o vlijanii zaimstvovannyh jazykovyh sredstv na mental'nost' lingvo-kul'turnogo kollektiva (na materiale russkogo jazyka v sopostavlenii s pol'skim). Ekaterinburg, 2010. 193 s.

Pen'kovskij A.B. O semanticheskoi kategorii «chuzhdosti» v russkom jazyke. *Problemy strukturnoj lingvistiki 1985-1987*. М.: Nauka, 1989. S. 54–83.

Popova N.P. V Rossii pojavljajutsja novye shtol'cy...: o mifologeme geroja v sovremennoj publicistike. *Politicheskaja lingvistika*. Gl. red. A.P. Chudinov; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». Ekaterinburg, 2010. Vyp. 1 (31). S. 135–142.

Romanenko A.P. Sovetskaja slovesnaja kul'tura: obraz ritora. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2000. 212 s.

Shul'gin A.V. Russkij jazyk v Internetе: internet-jenciklopedija Lurkmore. *Russkij jazyk i kul'tura v prostranstve russkogo mira*. Materialy II Kongressa Rossijskogo obshhestva

prepodavateleĵ russkogo jazyka i literatury. SPb.: Izdatel'skij dom «MIRS», 2010. T. 1. S. 415–420.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
E-mail: dementevvv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dementyev, Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics
Saratov State University n.a. N.G.Chernyshevsky
83 Astrakhan st., Saratov 410012 Russia
E-mail: dementevvv@yandex.ru